DOI: 10.17976/jpps/2023.04.05
EDN: FSMFMK

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ XXI ВЕКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Дж.А. Голдстоун, Л.Е. Гринин, В.В. Устюжанин, А.В. Коротаев

ГОЛДСТОУН Джек А., доктор философии (Ph.D.), профессор Школы государственной политики, Университет Джорджа Мейсона, Арлингтон (США), email: jgoldsto@gmu.edu; **ГРИНИН Леонид Ефимович**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, email: leonid.grinin@gmail.com; **УСТЮЖАНИН Вадим Витальевич**, стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: vvustiuzhanin@hse.ru; **КОРОТАЕВ Андрей Витальевич**, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; ведущий научный сотрудник кафедры африканистики и арабистики, РУДН; профессор факультета глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: akorotayev@gmail.com

Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. 2023. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 54-71. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05. EDN: FSMFMK

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00155).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022. Принята к публикации: 08.02.2023

Аннотация. Авторы изучают важные аспекты революционного процесса XXI века. Рассматриваются причины, по которым революционный процесс начала XXI столетия проходит довольно бурно, а также прогнозы, обещающие, что и в будущем он будет весьма активным; анализируются революционные тренды, в том числе особо тревожный – рост числа радикальных исламистских революционных выступлений. Все сказанное иллюстрируется статистическим анализом различного типа революций. Насколько авторам известно, количественных исследований революций последних десятилетий практически нет. Между тем этот анализ убедительно показывает возрастающее значение в революционном процессе в Мир-Системе африканских стран, роль которых будет увеличиваться и в дальнейшем уже по причине бурного роста населения и укрепления государственности в регионе.

Ключевые слова: революция, революционное событие, цветная революция, исламистская революция, революционный процесс, неконсолидированные демократии.

ВВЕДЕНИЕ. ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В XXI СТОЛЕТИИ

Несмотря на довольно бурный революционный процесс в первые десятилетия XXI в. во всех населенных частях света, исследований революций XXI в. явно недостаточно. Существует немало ценных работ (например, [Розов 2019; Розов и др. 2019; Chenoweth, Stephan 2011; Mitchell 2012; Lawson 2019; Beissinger 2022; Beck et al. 2022]), однако они либо не покрывают весь спектр проблем, связанных с революциями, либо, как исследование М. Бейссинджера, останавливаются на событиях до 2014 г. В ранее опубликованной работе [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022] мы рассмотрели три революционные волны в XXI в. и обосновали ряд теоретических положений.

В настоящей статье мы продолжаем исследование революционного процесса XXI в., останавливаясь на ряде наиболее значимых его аспектов.

ТЕОРИИ

Главные теории и подходы, благодаря которым удалось сформулировать некоторые предположения (гипотезы) об особенностях революционного процесса в XXI столетии, выглядят следующим образом.

Во-первых, это теория роста в последние десятилетия социально-экономического неравенства [Piketty 2014] и концепции повышения революционной активности на этой базе [Selbin 2022; Chase-Dunn, Nagy 2022]. Во-вторых, теория о повышенной вероятности (опасности) революций в период модернизации [Huntington 1968; Eisenstadt 1978] (несмотря на критику Ч. Тилли [Tilly 1973], мы взгляды Хантингтона в основном поддерживаем). В-третьих, теория исламского возрождения [Huntington 1996], которое обуславливает особый путь модернизации многих исламских стран. Также авторы опираются на идеи влияния периода религиозного возрождения на активизацию такого типа революций, как религиозные. В частности, некоторые исследователи [Tilly 1996; Beck 2011] выделяют ранние волны революций в период европейской Реформации.

В-четвертых, это теория длинных циклов Кондратьева и идея об усилении социальной протестной активности на понижательных фазах таких циклов [Silver 1992], что позволяет ожидать усиления и на понижательной фазе текущей (пятой) кондратьевской волны. В-пятых, это положение о том, что в результате глобализации усиливается взаимозависимость всех частей и стран Мир-Системы, равно как и влияние различных, в том числе революционных процессов в одних странах на другие. В-шестых, это мир-системная теория в части, касающейся изменения структуры Мир-Системы. Здесь мы также опираемся на собственную теорию реконфигурации Мир-Системы, согласно которой до недавнего времени политическая составляющая глобализации сильно отставала от экономической, в результате чего начинается “подтягивание” первой и торможение второй, что вызывает сильные турбулентные процессы, включая революции [Goldstone, Grinin, Korotayev 2022].

В-седьмых, мы опирались на идеи о формировании новых конструкций мирового порядка и сопутствующих изменений [Kissinger 1994, 2001, 2014], а также на распространенные взгляды о закате американского могущества и американского мирового порядка [Wallerstein 2003; Zakaria 2008], что неизбежно ведет к процессам дестабилизации и турбулентности. В-восьмых, это теория связи модернизации и формирования наций и национального сознания, усиления требований создания собственного национального государства [Gellner 1983]. В-девятых – наработки авторов в области теории революции, в частности типологии революционных событий по их форме (революции, аналоги революций, революционные движения без революций, революционные эпизоды и др.), а также по целям и направленности революционного события (демократические, социальные, национальные, религиозные и др.) [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022]. Кроме того, мы исследовали: (1) связь революций и процесса модернизации и обнаружили повышенные риски революций в этот период, специфику формирования и активизации политического ислама (исламизма) и его влияние на особый путь модернизации исламских обществ; (2) процессы изменения мирового порядка в истории и корреляции между процессами

реконфигурации Мир-Системы и смены мирового порядка, с одной стороны, и революционным процессом – с другой; (3) роль роста национальной идеологии и культуры, с одной стороны, и усиления желания к самоопределению наций в генерировании революционной дестабилизации – с другой.

ГИПОТЕЗЫ

На закате XX в. немало ученых верило, что время революций прошло и в XXI в. число революций сильно сократится [Fukuyama 1989, 1992; Castañeda 1993; Halliday 1999; Snyder 1999; Nodia 2000; Goodwin 2001a, 2001b, 2003]. По их убеждению, глобальная демократизация должна была привести к исчезновению причин для революционного свержения демократически избранных правительств. Между тем в XXI столетии немало демократически избранных правителей было свергнуто именно в ходе революций (например, Мухаммед Мурси в Египте или Серж Саргсян в Армении).

Сказанное касается только неконсолидированных частичных демократий, однако их количество намного превышает число демократий консолидированных[1]. Таким образом, есть основания ожидать новых революций в демократических странах в обозримом будущем. Экспансия социальных сетей и распространение глобальных норм значительно уменьшили способность правительств подавлять противоборствующее население в неконсолидированных демократиях, что также увеличивает вероятность революций в них (о революционной ситуации см. [Grinin 2022])[2].

Тенденция к увеличению революционной активности в демократиях, с одной стороны, может быть связана с экономическим ростом, поскольку, согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю, рост благосостояния ведет к увеличению числа людей, предпочитающих материалистическим ценностям выживания постматериалистические ценности самовыражения и готовых участвовать в революционных антиправительственных протестах [Inglehart, Welzel 2005; Inglehart et al. 2020]. С другой стороны, падение уровня жизни в демократиях также может вести к росту революционной активности.

Кроме того, в консолидированных демократиях могут начаться процессы деконсолидации и фракционализации. Как отмечает Дж. Лоусон, “вырождение демократического капитализма может служить прелюдией к революции” [Lawson 2019: 228].

Таким образом, мы полностью согласны с Эриком Селбином [Selbin 2001, 2022], который утверждает, что распространение демократизации не делает будущие революции менее вероятными (а скорее наоборот), потому что в целом ряде стран демократические практики остаются слабыми, в то время как несправедливость и неравенство – высокими.

Многие революционные факторы, включая противоположные демократии тенденции, остаются активными и еще очень долго будут таковыми, способствуя революциям. В современном интегрированном мире могут появиться неожиданные дестабилизирующие факторы, такие как пандемия COVID-19, борьба с которой привела к невиданным ограничениям свобод и соответствующим протестам: революционные или похожие на них протестные события

[1] Polity5 Database. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls (accessed 10.10.2022).

[2] Как указывает Селбин, успех цветных революций основан именно на особенностях неконсолидированных демократических режимов.

произошли в Кыргызстане, Беларуси, Непале, Боливии, Мали, на Кубе и в Китае [Grinin 2020].

Некоторые глобальные тенденции и события делают революции более частым явлением. Во-первых, это явное ухудшение благосостояния, в том числе массово затронувшее средний класс. Во-вторых, доминирование США сразу после окончания холодной войны способствовало установлению рискованного внешнеполитического курса. Энергичное продвижение Америкой западных идей (см., например, [Beissinger 2007]) во многих случаях привело к противоположным результатам в отношении демократии [Mitchell 2022]. В-третьих, распространение и повышение качества медицинского обслуживания благоприятствовало быстрому росту населения на Ближнем Востоке, в некоторых частях Южной и Центральной Азии и в странах Африки к югу от Сахары. Наряду с повышением доступности образования это способствовало появлению огромных когорт образованной молодежи в неинклюзивных и кланово-капиталистических режимах.

Наконец, глобальная рецессия 2007-2009 гг., а также скачок мировых цен на продовольствие в 2009-2011 гг. (в связи с засухой и из-за антикризисного количественного смягчения, в дополнение к засухе), во многом способствовали Арабской весне и массовым протестам в других частях света [Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018]. В то же время политика жесткой экономии, принятая в Европе, и длительный период восстановления в США замедлили глобальные темпы роста и усилили экономическое давление на государства, которые торговали с Европой и США в течение следующего десятилетия.

Более того, с 2000-х годов постоянно усиливалась геополитическая конфронтация между крупными державами – США, Россией и Китаем, наряду с растущей уверенностью в себе держав среднего уровня, таких как Турция, Иран или Саудовская Аравия. Европа, которая, казалось, должна была стать мощной силой интеграции и стабильности после 1989-1991 гг., вместо этого пережила собственную эпоху революций, гражданских войн, региональной и европейской фрагментации, начиная с войн на Балканах, объявления независимости Косово и подъема сепаратистских движений в Испании до битвы за политику жесткой экономии и Брекзита. Вместо нового "*Pax Americana*" за окончанием холодной войны последовали нестабильность, реконфигурация Мир-Системы и пересмотр существующего миропорядка. Причем революции активно использовались как геополитическое оружие – в прозападных цветных революциях в Сербии, Грузии и Украине; в пророссийских сепаратистских движениях в последних двух странах; в интервенции НАТО в Ливии; в исламистских революциях в Афганистане, Сирии и Ираке (см., например, [Beissinger 2007; Mitchell 2012, 2022; Filin, Khodunov, Koklikov 2022]).

Из этих теоретических посылок и эмпирических обобщений можно сформулировать некоторые предположения касательно революционного процесса в XXI в. Первая гипотеза выглядит следующим образом: **(H1)** в XXI в. существует положительный и значимый тренд роста со временем интенсивности революционных выступлений.

Исходя из теории исламского возрождения и экстраполируя процессы, проходившие 50-70 лет назад в арабском мире, на поднимающиеся африканские государства, можно предполагать увеличение количества революционных событий такого типа, как религиозные революции, прежде всего рост революционных событий исламистско-радикального толка, поскольку общий

недостаточный уровень образования и качества жизни африканских и ряда азиатских государств делает их восприимчивыми к радикальной исламистской идеологии. Отсюда наша вторая гипотеза может быть сформулирована следующим образом: **(H2)** в XXI в. существует положительный и значимый тренд роста со временем интенсивности исламистских революционных выступлений.

Подъем многих государств в Африке, где ситуация с этническими отношениями носит весьма сложный характер (с учетом произвольно проведенных границ), позволяет предполагать, что число национально-сепаратистских революций, по крайней мере, должно оставаться значительным. Тогда третья гипотеза может быть сформулирована так: **(H3)** в XXI в. существует положительный и значимый тренд роста со временем интенсивности национально-сепаратистских революционных выступлений.

Рост социально-экономического неравенства усиливает революционные настроения, а учитывая, что начиная с 2008 г. экономическую ситуацию в мире можно считать депрессивной, это позволяет предполагать в целом рост значения социальных революций (против неравенства, несправедливости, пороков режимов и т.п.). Отсюда наша четвертая гипотеза: **(H4)** в XXI в. существует положительный и значимый тренд роста со временем интенсивности социальных революционных выступлений.

В связи с продолжавшейся в XXI в. демократизацией (третьей волной демократизации по Хантингтону) число демократических революций должно быть большим, вероятно, даже в процентном отношении наибольшим среди других типов. В контексте реконфигурации Мир-Системы и перемещения экономической и иной активности на все более дальнюю ее периферию, можно предполагать и перемещение революционного процесса в Мир-Системе. Однако с учетом ухудшения экономического состояния многих стран на периферии число демократических революций хотя и должно быть большим, но их процент будет постепенно уменьшаться. Это объясняется, во-первых, тем, что растет число социальных и религиозных революций, а во-вторых, тем, что все больше периферийных стран входят в фазу интенсивной модернизации, но имеют слабые возможности для устойчивой демократии, а значит, число демократических революций в них будет меньше, чем в странах, более близких к ядру Мир-Системы (как это заставляют предполагать мир-системная теория, а также теория модернизации и ее связи с революциями Хантингтона – Айзенштадта). Таким образом, мы формулируем последнюю гипотезу: **(H5)** в XXI в. существует отрицательный и значимый тренд снижения со временем интенсивности демократических революционных выступлений.

Методология

Для проверки гипотез будет использована наша собственная база данных (БД) по революционным событиям XXI в., покрывающая весь мир с 2000 по 2021 г. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022]). В ней дано описание 205 революционных эпизодов, а также их характеристики: по целям (демократические, исламистские, национально-освободительные, социальные и некоторые другие), продолжительности, месту и типу тактики протестующих (вооруженный или невооруженный). Во многом именно эти характеристики и будут использованы для проверки вышеизложенных предположений о революционном процессе в этом веке.

Также для валидации результатов будут использованы сторонние и уже зарекомендовавшие себя БД, где единицей наблюдения так или иначе выступает революционное событие. Первая БД – NAVCO 1.3 [Chenoweth, Shay 2020], где авторы, правда, называют фиксируемые ими события не революциями, а "максималистскими кампаниями". Так названы все бесспорные революции с 1900 г. – включая, например, российские революции 1905-1907 и 1917 гг., Конституционную революцию 1905-1911 гг. в Иране, Синьхайскую революцию 1911-1912 гг. в Китае и Мексиканскую революцию 1910-1917 гг. Другими словами, эта БД содержит не что иное, как описание революционных событий, поэтому она подходит для проверки изложенных гипотез. Среди характеристик в NAVCO 1.3 также содержатся такие описания событий, как хронологические, по типу тактики и цели. Однако если в нашей БД выделяется порядка шести типов видов/целей, то в NAVCO 1.3 их, по сути, всего два: изменение режима или сепаратистские требования[3]. Второй БД станет список и формальное описание революционных событий за авторством М. Бейссинджера [Beissinger 2022]. Она включает в себя богатое описание каждого эпизода, но покрывает временной промежуток только до 2014 г. Из перечня содержащихся в этой БД переменных мы возьмем лишь те характеристики, которые соотносятся с нашими гипотезами.

Результаты по NAVCO 1.3 будут также даны при рассмотрении второй (рост национально-сепаратистских выступлений) и пятой (общий рост революционных событий) гипотез. К оставшимся предположениям эта БД неприменима в силу отсутствия в ней необходимых значений. В таких случаях дополнительной БД выступает перечень революционных событий М. Бейссинджера. Его мы будем использовать при проверке всех гипотез, кроме третьей (о росте интенсивности социальных революционных выступлений), опять же, из-за отсутствия необходимой информации в БД Бейссинджера – в качестве "социальных" в ней обозначены коммунистические и паракоммунистические революции XX в., а не революционные эпизоды социальной направленности XXI в., которые Бейссинджер в отдельную группу не выделяет.

Для проверки гипотез рассмотрим число зафиксированных (активных) за определенный год эпизодов, а не количество начавшихся событий. Зачастую революции длятся отнюдь не год, особенно это актуально для вооруженных революционных выступлений, которые могут тянуться несколько десятков лет, как, например, было в Афганистане с движением "Талибан" (в РФ признано террористическим и запрещено), чья революционная борьба за власть длилась с 2001 по 2021 гг. и в итоге оказалась успешной[4]. Для статистической проверки гипотезы воспользуемся методом наименьших квадратов[5]. Кроме того, будут использованы некоторые дополнительные тесты на наличие тренда: тест Манна – Кендалла [Mann 1945] и Кокса – Стюарта [Cox, Stuart 1955].

[3] Отметим, что в этой базе данных авторы разделяют такие типы, как сепаратистские и национально-освободительные. Для простоты сравнения мы объединяем две эти категории в "национально-сепаратистские" революционные выступления.

[4] Другими словами, если бы мы рассматривали число начавшихся революционных выступлений, то для Афганистана у нас было бы всего одно наблюдение в 2001 г., после чего данные показывали бы нулевую активность, что, очевидно, не соответствует действительности при рассмотрении революционного процесса.

[5] Мы осознаем возможную автокорреляцию (по сути, мы исследуем временной ряд, где следует ожидать зависимость между наблюдением в этом и прошлом году), однако для нас важно подтвердить наличие тренда, а не получить состоятельные оценки отдельных коэффициентов, что обуславливает выбор этого метода.

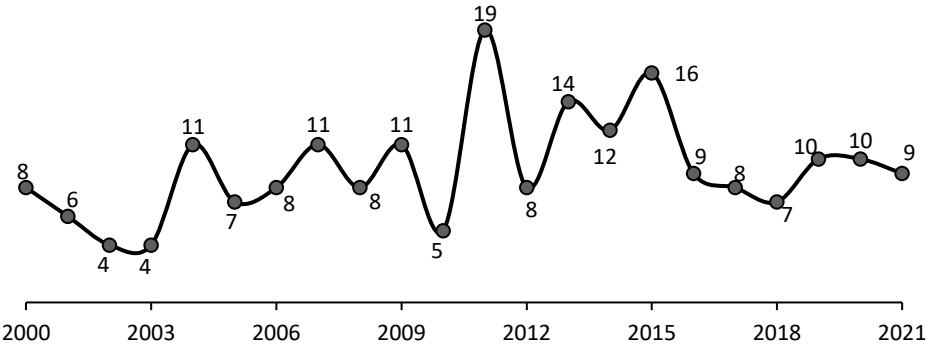
Результаты

В первые два десятилетия этого века мы стали свидетелями многих революционных событий. Таким образом, с самого начала XXI в. стало очевидным, что оптимистические ожидания сокращения числа революций не оправдались. Мир захлестнули новые революции, и их количество явно не падает, что видно из динамики начавшихся выступлений (см. рис. 1а). Кроме того, как авторы уже указывали [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022], за первые 20 лет нового века можно выделить несколько революционных волн: (1) цветные революции (2000-2009), которые выглядят как четыре бугра с пиками в 2000, 2004, 2007 и 2009 гг.; (2) Арабскую весну и ее "эхо" (2011-2013/15), характеризующиеся как пик в 2011 г. и небольшое высокое плато с 2013 по 2015 г.; и (3) третью волну, начавшуюся в 2018 г. (виден явно начинающийся возрастающий тренд), продолжающуюся до сих пор и даже усиливщуюся в 2022 г. При этом с момента завершения количественного анализа по последней версии БД произошли новые революционные события (или события, которые, вероятно, имеют революционную природу) в Канаде, Казахстане, Корсике, Шри-Ланке, Иране, Боливии, Перу, Пакистане, Косово и других местах.

Также стоит обратить внимание на революционные события, зафиксированные независимыми БД – NAVCO 1.3 и М. Бейссинджера (см. рис. 1б). Можно заметить, что число начавшихся эпизодов ни в одной из них не падает и отчетливо видны обозначенные до этого революционные волны.

Рисунок 1а (Figure 1a)

Число революционных выступлений, начавшихся в соответствующие годы XXI в.
Number of revolutionary actions initiated in the corresponding years of the 21st century



Примечание: мы начинаем с 2000 г., с Бульдозерной революции, запустившей первую революционную волну XXI в., волну цветных революций.
Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

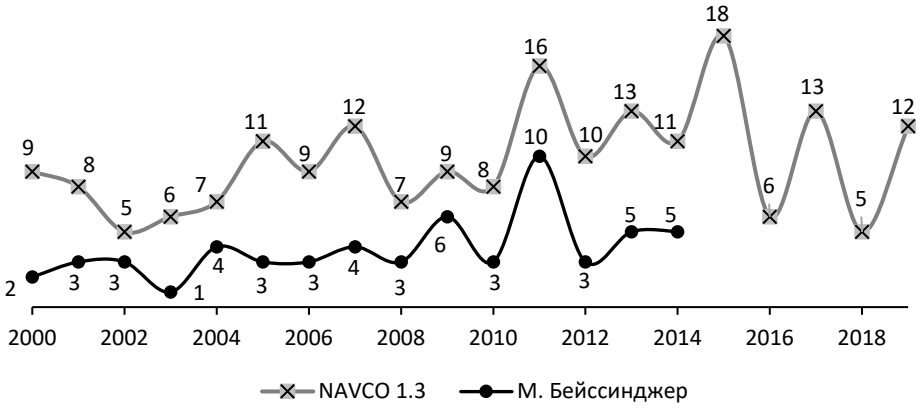
В продолжение вопроса о связи революционного процесса с процессом демократизации, казалось бы, можно высказать предположение, что (а) демократия сейчас только распространяется и революции происходят преимущественно в недостаточно демократических странах с целью изменения режима; (б) по мере роста числа консолидированных демократий количество революций пойдет на спад (правда, за последние 20 лет число консолидированных демократий почти не увеличилось, и кандидатов для этого мало). Тем не менее, если посмотреть на распределение начавшихся революционных выступлений

в XXI в. по их целям (см. рис. 2), то число демократических событий хоть и относительно велико (96, или 42%), но не составляет и половины общего количества эпизодов. Число революционных выступлений, которые преследуют социальные (21%), национально-сепаратистские (14%) или исламистские (13%) цели, также весьма значительно. Кроме того, мы выделяем и такую подгруппу революционных выступлений, как "иные", где спектр целей протестующих варьируется от антидемократических до антиисламистских (22 эпизода или 10%).

Рисунок 1б (Figure 1b)

Число революционных выступлений, начавшихся в соответствующие годы XXI в. по базам данных NAVCO 1.3 и М. Бейссинджера

Number of revolutionary actions initiated in the corresponding years of the 21st century according to NAVCO 1.3 and M. Beissinger's databases

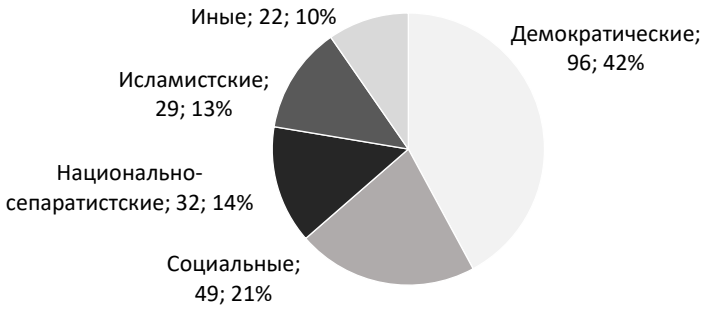


Источник данных: NAVCO 1.3 [Chenoweth, Shay 2020] и БД М. Бейссинджера [Beissinger 2022].

Рисунок 2 (Figure 2)

Глобальное распределение числа революционных событий XXI в. по их целям, круговая диаграмма

Global distribution of the number of revolutionary actions of the 21st century according to their goals, pie chart



Источник данных: БД рев. событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).
Примечание: категория "иные" включает в себя следующие цели: державно-модернистские, антидемократические, этнические, антиисламистские.

РЕВОЛЮЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ?

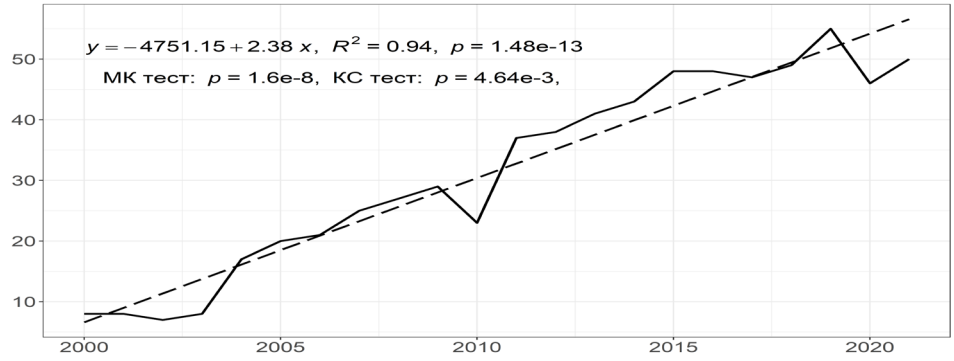
Обращаясь к ожидаемой нами тенденции роста числа революций в XXI в., стоит прежде всего рассмотреть число активных выступлений. Так, на рис. 3, подготовленном на основе нашей базы данных, отчетливо видно, что число революционных выступлений имеет явную тенденцию роста, и говорить о конце революций явно преждевременно: в 2019 г. число активных революционных выступлений достигло 55, тогда как в 2000 г. их было только восемь. Наличие тренда подтверждается и статистически: при наложении линейной регрессии (пунктирная линия), доля объясненной дисперсии достигает 94%, при этом сам тренд положителен и значим на уровне p<<0,001. То же самое показывают и другие метрики: тесты Манна – Кендалла (на рисунке – МК тест) и Кокса – Стюарта (на рисунке – КС тест) подтверждают наличие крайне значимого тренда от времени.

Если взглянуть на графики, построенные по БД NAVCO 1.3 и М. Бейссинджера (см. рис. А1 и А2 в онлайн-приложении)[6], также виден явный, значимый и положительный тренд к росту числа революционных событий во времени, что полностью подтверждает нашу первую гипотезу.

Рисунок 3 (Figure 3)

Число революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Number of revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

РОСТ ИСЛАМИСТСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ – ТРЕВОЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Обратившись к динамике активных революционных событий и детально рассмотрев демократические и исламистские революционные выступления в XXI в. (см. рис. 4а, 4б), обнаружим тенденции к постепенному падению доли демократических и росту доли исламистских революционных выступлений в общем числе эпизодов. Во-первых, видно, что демократические революции отнюдь не доминируют над остальными типами революционных выступлений, как могло показаться изначально. Так, с 2004 г. появился явный тренд на увели-

[6] Онлайн-приложение к статье см.: https://www.politstudies.ru/Polis-2023-4-Goldstone-App.

чение числа исламистских революций, тогда как число демократических выступлений не растет. Отчасти это связано с тем, что исламистские революции почти всегда носят вооруженный характер и, что характерно для этого типа, являются довольно продолжительными, в то время как демократические революционные выступления, как правило, заканчиваются относительно быстро. Впрочем, разрыв в процентном соотношении, который можно увидеть на рис. 4б, все равно выглядит довольно большим (в 2018 г. 45% всех активных революционных выступлений были исламистскими, а демократическими – только 20%) и, судя по всему, может сохраниться и в последующие годы. Наличие положительного тренда к росту числа исламистских выступлений верифицировано статистически: R^2 для числа такого типа революций от времени – почти 0,95, а сам тренд значим на уровне менее p << 0,001, что подтверждается и тестами Манна – Кендалла и Кокса – Стюарта, где тренд также значим на уровне менее p << 0,001.

Рисунок 4а (Figure 4a)

Число революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Number of revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century

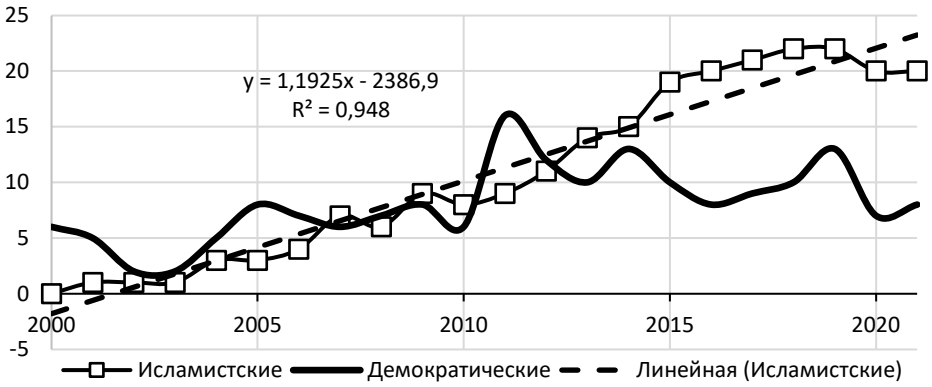
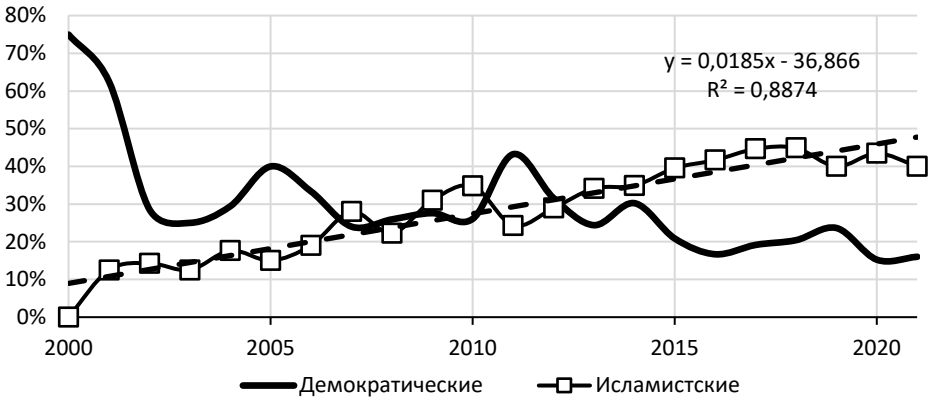


Рисунок 4б (Figure 4b)

Доля революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Proportion of revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

Та же тенденция с ростом исламистских революционных выступлений в XXI в. наблюдается и при рассмотрении БД М. Бейссинджера. Так, на рис. А3 и А4 (онлайн-приложение) представлена динамика числа и доли исламистских революционных выступлений в сравнении с демократическими. Видна положительная и значимая тенденция к росту числа и доли исламистских выступлений. Если в 2004 г. был всего один продолжающийся эпизод данного типа, то в 2014 г. – уже восемь (или половина от общего числа), что превосходит число зафиксированных демократических эпизодов в два раза (25% от общего числа). Такой тренд роста также подтверждается статистически: все тесты значимы на уровне $p << 0{,}001$, даже несмотря на относительно малое число точек (данные есть только до 2014 г.).

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ/СЕПАРАТИСТСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Примечательно, что число активных национально-сепаратистских революционных выступлений, как правило, не сильно уступает числу выступлений демократических (см. рис. 5а, 5б). В 2015-2019 гг. даже видно их некоторое преобладание, однако связано это с преимущественно вооруженным затяжным характером национально-сепаратистских революций (ср. [Beissinger 2022]). Интересен положительный тренд роста числа такого типа революционных выступлений: линейный тренд объясняет порядка 77% дисперсии и значим на уровне $p << 0{,}001$, что подтверждается тестами Манна – Кендалла и Кокса – Стюарта.

Если рассмотреть динамику числа национально-сепаратистских эпизодов по данным NAVCO 1.3 и М. Бейссинджера, то видна та же картина. На рис. А5 (онлайн-приложение) представлена динамика числа революционных событий рассматриваемого типа по вышеуказанным БД. Можно заметить явный тренд роста подобного типа революционных процессов, который подтверждается статистически всеми тестами.

Рисунок 5а (Figure 5a)

Сравнение числа демократических и национально-сепаратистских революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Comparison of the number of democratic and national-separatist revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Рисунок 5б (Figure 5b)

Сравнение доли демократических и национально-сепаратистских революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Comparison of the proportion of democratic and national-separatist revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ С СОЦИАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ

Если обратиться к рис. 6а, на котором представлено сравнение числа демократических и социальных выступлений, то видна тенденция постепенного роста последних после мирового кризиса 2008 г. В 2020 и 2021 гг. они даже начали превосходить демократические революционные выступления из-за начавшегося с 2018 г. резкого роста. Отметим также, что планомерное увеличение числа социальных революционных выступлений началось не сразу после кризиса 2008 г., а в 2011 г. вместе с движениями *Occupy*, которые стали, по сути, отложенной реакцией на события 2008 г. На рис. 8а приведена линия линейной регрессии с первой точкой именно в 2008 г., что немного снижает долю объясненной дисперсии, которая все равно находится на высоком уровне – 72%. Если провести аккуратные статистические тесты на тренд, то тесты Манна – Кендалла и Кокса – Стюарта показывают значимость на уровне $p < 0{,}05$, что говорит о наличии тренда к росту числа социальных революционных выступлений после 2008 г. Социальные революционные выступления по своей продолжительности очень похожи на демократические: связать рост их числа и доли (рис. 6а, 6б) с их протяженностью, как это отчасти было в случае с исламистскими и национально-сепаратистскими выступлениями, нельзя. Судя по всему, есть реальная тенденция к нарастанию социальных революционных выступлений, тогда как демократические начинают уступать. Это еще раз опровергает идею о закате революций: они могут меняться по типам, формам и другим параметрам, но их число не только не уменьшается, но и растет.

Хотя доля социальных выступлений становится больше (см. рис. 6б), тренд все же слабовыраженный, однако положительный. Другими словами, число таких революционных событий увеличивается вместе с общим количеством революций, тогда как их доля в общем революционном процессе медленно, но неуклонно возрастает с 2011 г.

Рисунок 6а (Figure 6a)

Сравнение числа демократических и социальных революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Comparison of the number of democratic and social revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

Рисунок 6б (Figure 6b)

Сравнение доли демократических и социальных революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Comparison of the proportion of democratic and social revolutionary actions recorded in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

Тесты Манна – Кендалла и Кокса – Стюарта, если рассматривать промежуток с 2011 г., показывают значимость роста доли такого типа выступлений на уровне $p < 0,1$. Кроме того, общая корреляция доли социальных высту-

плений со временем также является значимой ($p < 0{,}01$). Все это не позволяет нам отвергнуть рассматриваемую гипотезу об увеличении интенсивности социальных выступлений со временем после начала нисходящей фазы пятой кондратьевской волны, что показывает как устойчивый и положительный тренд на рост их числа, так и слабовыраженный, но также положительный и в целом значимый тренд к росту их доли.

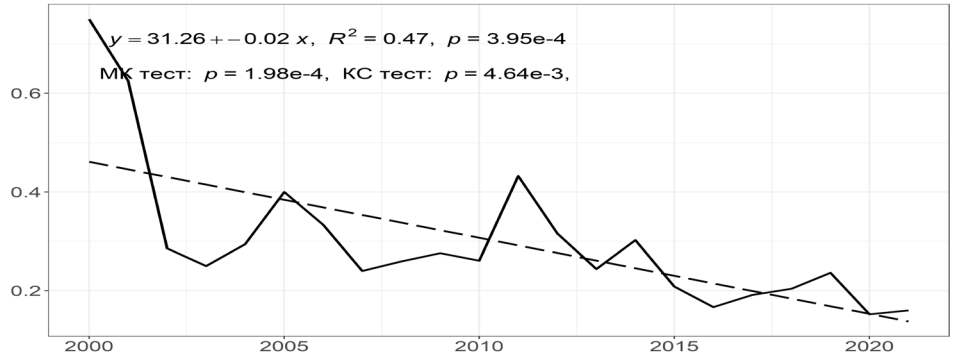
Наконец, стоит отдельно рассмотреть демократические революционные выступления. Как было показано, другие типы революционных событий (в особенности исламистские) постепенно сокращают долю демократических выступлений в общем революционном процессе, хотя некоторая отличная от отрицательной динамика в числе демократических эпизодов остается, что объясняется прежде всего общим трендом на рост числа революций. На рис. 7 представлена доля демократических революционных выступлений в XXI в. с наложением линии, полученной методом наименьших квадратов.

Можно заметить, что существует ярко выраженный тренд на снижение веса демократических выступлений в общем революционном процессе, который статистически подтверждается по нашей БД. Так, тесты на тренд показывают значимость на уровне $p < 0{,}05$ (а тест Манна –Кендалла – на уровне $p < 0{,}001$). Если рассмотреть рис. А6 (онлайн-приложение), где представлена динамика доли демократических выступлений по БД М. Бейссинджера до 2014 г., видно полное отсутствие тренда, что фиксируется всеми тестами. Это во многом объясняется временны́м промежутком: представленная БД не фиксирует резкого падения веса демократических выступлений после 2014 г., что, в свою очередь, видно из нашей БД. Доля демократических выступлений явно не растет, оставаясь на некотором неизменном уровне с возможными флуктуациями. Если рассматривать наиболее свежие данные, то становится виден тренд на снижение доли демократических революционных событий в общем революционном процессе, который обострился после 2011 г. (в том числе и в связи с переходом Арабской весны в Арабскую осень).

Рисунок 7 (Figure 7)

Динамика доли демократических революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Dynamics of the share of democratic revolutionary actions in the corresponding years of the 21st century



Источник данных: БД революционных событий XXI в. (см. онлайн-приложение к [Голдстоун и др. 2022]).

Заключение. О роли демографического фактора в будущем революционном процессе

В ходе анализа мы зафиксировали несколько тенденций, проявившихся в революционном процессе XXI в. Во-первых, это неуклонный рост интенсивности исламистских революционных выступлений, которые постепенно начинают оттеснять демократические и некоторые другие революционные события. Этот тренд подтверждается статистически и на примере нескольких независимых баз данных, что вызывает тревогу, ведь исламистские революции носят крайне ожесточенный и кровавый характер и обычно ведут общества к деградации. Во-вторых, это тенденция к увеличению интенсивности национально-сепаратистских революционных выступлений, впрочем, не такому стремительному, как в случае исламистских выступлений. Тем не менее такие революционные процессы также носят, как правило, вооруженный и крайне затяжной характер (достаточно вспомнить продолжающуюся уже много десятков лет революционную борьбу курдов за создание национального государства). В-третьих, видно падение доли демократических выступлений за счет роста других типов революционных событий; это подтверждает идею, что революции не закончатся в ближайшем будущем, хотя иерархия значимости разных типов революций может заметно измениться. В-четвертых, после экономического кризиса 2008 г. наблюдается тренд на рост числа социальных революционных выступлений. Их доля в общем революционном процессе медленно, но стабильно становится больше, особенно после активизации движений *Occupy* в 2011 г. и их стремительного развития после 2018 г. Наконец, в-пятых, общее число революционных выступлений в XXI в. постоянно и значимо растет относительно XX в.

Итак, есть много причин, которые определяют, что революционный процесс в XXI столетии, по крайней мере в ближайшие десятилетия, будет довольно активным. В заключение мы хотели бы остановиться еще на одной из них – демографическом дисбалансе.

Исследования в области политической демографии установили значимую корреляцию между этапами демографического перехода и трансформациями политических режимов [Cincotta 2008/2009; Cincotta, Doces 2011; Urdal 2006; Weber 2013; Wilson, Dyson 2017]. На ранних этапах перехода, когда население молодое и быстро увеличивается, режимы редко бывают демократическими и, как правило, характеризуются высоким уровнем насилия и гражданских конфликтов. Как было показано ранее [Goldstone 2002, 2016], высокий прирост населения может привести к обострению конкуренции внутри элиты, облегчению массовой мобилизации и нагрузке на государственный потенциал, тем более в случае отставания экономического роста. Это означает, что те регионы мира, которые застряли на ранних стадиях демографического перехода, с высокими темпами роста населения и молодым населением (а это в основном Африка южнее Сахары, а также Ирак, Сирия, Йемен, Пакистан и некоторые страны Центральной Америки), будут склонны к революциям в ближайшие десятилетия, особенно если экономическое неравенство будет обостряться.

Специалисты прогнозируют мощный демографический рост в Африке, прежде всего в странах южнее Сахары, включая зону Сахеля[7] [Korotayev et al. 2016; Vollset et al. 2020], а именно, в два раза к 2050 г., а к 2100 г. от трех до пяти

[7] Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. Vienna: Wittgenstein Centre. URL: http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/ (accessed 10.10.2022); UN Population Division. 2022. World population prospects 2022. New York, NY: United Nations.

раз. В этом случае будет сочетаться ряд значимых факторов нестабильности: быстрая модернизация во всех сферах общества; быстрая урбанизация; ускорение этнонациональных и этноконфессиональных процессов. Африканские общества будут самыми молодыми в мире, что вкупе с быстрой урбанизацией резко обострит социальные проблемы: безработицу, бедность, вынужденное проживание в трущобах и многое другое, с неизбежным ростом социальной конфронтации. Это приведет к закреплению молодежных бугров и сделает общество крайне восприимчивым к различным дестабилизационным процессам, включая революционный терроризм и радикализм. Слабость государственности и постоянно усиливающийся фактор геополитического соперничества в Африке (а также другие мир-системные влияния) могут обострить проблемы революционного терроризма, дезинтеграции государств, увеличить число беженцев и создать другие гуманитарные катастрофы.

Революции в этих регионах могут произойти как в случае высокого, но неравномерного экономического роста, так и в случае его резкого замедления в связи с кризисами или иными проблемами, усиливающимися демографическим давлением.

DOI: 10.17976/jpps/2023.04.05

REVOLUTIONARY EVENTS OF THE 21st CENTURY: A PRELIMINARY QUANTITATIVE ANALYSIS

Goldstone J.A.[1], Grinin L.E.[2,3], Ustyuzhanin V.V. [2], Korotayev A.V. [2,4,5]

[1] George Mason University's Schar School of Policy and Government. Arlington, USA

[2] HSE University. Moscow, Russia

[3] Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

[4] RUDN University. Moscow, Russia

[5] M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

GOLDSTONE, Jack A., Ph.D., Professor of George Mason University's Schar School of Policy and Government, email: jgoldsto@gmu.edu; **GRININ, Leonid Efimovich**, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, email: l eonid.grinin@gmail.com; **USTYUZHANIN, Vadim Vitalievich**, Research Intern, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, email: vvustiuzhanin@hse.ru; **KOROTAYEV, Andrey Vitalievich**, Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Senior Research Fellow, RUDN University; Professor of the Faculty of Global Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University, email: akorotayev@gmail.com

Goldstone, J.A., Grinin, L.E., Ustyuzhanin, V.V., & Korotayev, A.V. (2023). Revolutionary events of the 21st century: a preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*, 4, 54-71. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05

Acknowledgements. The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00155).

Received: 05.05.2022. Accepted: 08.02.2023

Abstract. In this article, the authors consider important aspects of the revolutionary process of the 21st century. They analyse the reasons why the revolutionary process of the early 21st century is taking up speed, as well as forecasts that indicate that it will be very active in the future. Various revolutionary trends are identified, including a particularly alarming one – the growth in the number of radical Islamist revolutionary insurgencies. All of the above is illustrated by a statistical analysis of various types of revolutions. As far as we know, there are practically no quantitative studies of the revolutions of the last decades. Meanwhile, this analysis convincingly shows the growing importance of African countries in the revolutionary process in the World System, the role of which will continue to grow in the future due to the rapid growth of the population and maturation of statehood in this region.

Keywords: revolution, revolutionary event, color revolution, Islamist revolution, revolutionary process, unconsolidated democracies.

References

Beck, C.J. (2011). The world-cultural origins of revolutionary waves. Five centuries of European contention. *Social Science History,* 35(2), 167-207. https://doi.org/10.1017/S0145553200011482

Beck, C.J., Bukovansky, M., Chenoweth, E., Lawson, G., Nepstad, S. E., & Ritter, D. P. (2022). On revolutions: unruly politics in the contemporary world. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780197638354.001.0001

Beissinger, M.R. (2007). Structure and example in modular political phenomena: the diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. *Perspectives in Politics,* 5(2), 259-276.

Beissinger, M.R. (2022). The revolutionary city. Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton, NJ: Princeton University Press. https://doi.org/10.1017/S1537592707070776

Castañeda, J. (1993). Utopia unarmed: the Latin American Left after the Cold War. New York: Vintage Books.

Chase-Dunn, C., & Nagy, S. (2022). Global inequality and world revolutions: past, present and future. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 999-1022). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_39

Chenoweth, E., & Shay, C.W. (2020). List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge, MA: Harvard Dataverse. https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND

Chenoweth, E., & Stephan, M.J. (2011). Why civil resistance works: the strategic logic of nonviolent conflict. New York, NY: Columbia University Press.

Cincotta, R. (2008/2009). Half a chance: youth bulges and transitions to liberal democracy. *Environmental Change and Security Program Report,* 13, 10-18.

Cincotta, R, & Doces, J. (2011). The age-structural maturity thesis: the impact of the youth bulge on the advent and stability of liberal democracy. In *Political Demography: How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics* (pp. 98-116). New York, NY: Oxford University Press.

Cox, D.R., & Stuart, A. (1955). Quick sign tests for trend in location and dispersion. *Biometrika,* 42(1-2), 80-95. https://doi.org/10.1093/biomet/42.1-2.80

Eisenstadt, S.N. (1978). Revolution and the transformation of societies. New York, NY: The Free Press.

Filin, N., Khodunov, A., & Koklikov, V. (2022). Serbian "Otpor" and the color revolutions' diffusion. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 465-482). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_17

Fukuyama, F. (1989). The end of history. *The National Interest*, 16, 3-18.

Fukuyama, F. (1992). The end of history and the last man. New York, NY: Free Press.

Gellner, E. (1983). Nations and nationalism. Oxford: Blackwell.

Goldstone, J.A., Grinin, L., & Korotayev, A. (2022). Conclusion. How many revolutions will we see in the 21st century? In *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 1035-1059). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_41

Goldstone, J.A. (2002). Population and security: how demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs,* 56(1), 3-21.

Goldstone, J.A. (2016). Revolution and rebellion in the early modern world: population change and state breakdown in England, France, Turkey and China 1600-1850 (25th Anniversary Edition). London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315408620

Goodwin, J.A. (2001a). Is the age of revolutions over? In *Revolution: International Dimensions* (pp. 272-283). Washington, DC: CQ Press.

Goodwin, J.A. (2001b). No other way out: states and revolutionary movements, 1945-1991. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511812125

Goodwin, J. (2003). The renewal of socialism and the decline of revolution. In *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* (pp. 59-72). London: Zed Books.

Grinin, L.E. (2020). How can COVID-19 change geopolitics and economy? *Journal of Globalization Studies,* 11(2), 119-131. https://doi.org/10.30884/jogs/2020.02.09

Grinin, L.E. (2022). On revolutionary situations, stages of revolution, and some other aspects of the theory of revolution. In *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* (pp. 69-104). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_3

Halliday, F. (1999). Revolution and world politics: the rise and fall of the sixth great power. Durham, NC: Duke University Press. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27702-5

Huntington, S.P. (1968). Political order in changing societies. New Haven, CT: Yale University Press.

Huntington, S.P. (1996). The clash of civilizations and the remaking of world order. New York, NY: Simon & Schuster.

Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). Modernization. Cultural change, and democracy: the human development sequence. Cambridge: Cambridge University Press.

Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (2020). Longitudinal data file, 1981-2020 (file: "WVS_TimeSeries_R_v1_2.rds"). Vienna: Institute for Comparative Survey Research. https://www.worldvaluessurvey.org/

Kissinger, H. (1994). Diplomacy. New York, NY: Simon & Schuster.

Kissinger, H. (2001). Does America need a foreign policy? Toward a diplomacy for the 21st century. New York, NY: Simon & Schuster.

Kissinger, H. (2014). World order. New York, NY: Penguin Press.

Korotayev, A., Meshcherina, K., & Shishkina, A. (2018). A wave of global sociopolitical destabilization of the 2010s: a quantitative analysis. *Democracy and Security,* 14(4), 331-357. https://doi.org/10.1080/17419166.2018.1517337

Korotayev, A., Zinkina, J., Goldstone, J., & Shulgin, S. (2016). Explaining current fertility dynamics in tropical Africa from an anthropological perspective: a cross-cultural investigation. *Cross-Cultural Research,* 50(3), 251-280. https://doi.org/10.1177/1069397116644158

Lawson, G. (2019). Anatomies of revolution. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108697385

Mann, H.B. (1945). Nonparametric tests against trend. *Econometrica: Journal of the Econometric Society,* 13(3), 245-259. https://doi.org/10.2307/1907187

Mitchell, L.A. (2012). The color revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. https://doi.org/10.9783/9780812207095

Mitchell, L.A. (2022). The color revolutions. Successes and limitations of non-violent protest. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 435-445). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_15

Nodia, G. (2000). The end of revolution? *Journal of Democracy,* 11(1), 164-171. https://doi.org/10.1353/jod.2000.0020

Piketty, T. (2014). Capital in the 21st century. Cambridge, MA: Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674369542

Selbin, E. (2001). Same as it ever was: the future of revolution at the end of the century. In *Revolution: International Dimensions* (pp. 284-297). Washington, DC: Congressional Quarterly Press.

Selbin, E. (2022). All around the world: revolutionary potential in the age of authoritarian revanchism. In *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 415-434). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_14

Silver, B. (1992). Class struggle and Kondratieff waves, 1870 to the present. In *New Findings in Long-Wave Research* (pp. 279-300). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-22450-0_11

Snyder, R. (1999). The end of revolution? *The Review of Politics,* 61(1), 5-28. https://doi.org/10.1017/S0034670500028114

Tilly, Ch. (1973). Does modernization breed revolution? *Comparative Politics,* 5(3), 425-447. https://doi.org/10.2307/421272

Tilly, Ch. (1996). European revolutions, 1492-1992. Oxford: Blackwell.

Urdal, H. (2006). A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International Studies Quarterly,* 50(3), 607-629. https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2006.00416.x

Vollset, S.E., Goren, E., Yuan, C.-W., Cao, J., Smith, A.E., Hsiao, T. et al. (2020). Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the global burden of disease study. *The Lancet*, 396(10258), 1285-1306. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2

Wallerstein, I. (2003). The decline of American power. The U.S. in a chaotic world. New York. NY: New Press.

Weber, H. (2013). Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world. *Democratization,* 20(2), 335-357. https://doi.org/10.1080/13510347.2011.650916

Wilson, B., & Dyson, T. (2017). Democracy and the demographic transition. *Democratization,* 24(4), 594-612. https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1194396

Zakaria, F. (2008). The post-American world. New York, NY: W.W. Norton. https://doi.org/10.1111/j.1540-5842.2008.00993.x

Goldstone, J.A., Grinin, L.Ye., & Korotayev, A.V. (2022). Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Political Studies,* 4, 108-119. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09

Rozov, N.S. (2019). Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 2: Prichiny, dinamika i smysl revolyutsii [Philosophy and theory of history. Book 2. Causes, dynamics and meaning of revolutions]. Moscow: Krasand/URSS. (In Russ.)

Rozov, N.S., Pustovoit, Y.A., Filippov, S.I., & Tsygankov, V.V. (2019). Revolyutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii [Revolutionary waves in the rhythms of global modernization]. Moscow: URSS. (In Russ.)

Литература на русском языке

Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 108-119. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09. EDN: DVNOBB.

Розов Н.С. 2019. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: Красанд/URSS. EDN: ZOHXEI.

Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. 2019. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: Красанд/URSS. EDN: STNOCN.